

Евгений БРУСИЛОВСКИЙ

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ»

В светлый майский день коллектив театра погрузился в специальный железнодорожный состав. Перед отъездом был прощальный митинг. Произносились напутствия, пожелания, обещания и заверения. После митинговой мессы, радостные и возбужденные, разошлись по вагонам. Гудок паровоза, как фанфара трубы, объявил начало декады казахского искусства и литературы открытым, и поезд тронулся.

Е. Брусиловский

Ехали радостно и, в общем, дружно. На каждой узловой станции поезд с большой любовью и воодушевлением встречали местные доброжелатели, сразу возникал неизбежный митинг. Произносились напутствия, пожелания, обещания и заверения. Была опасность, что, выступая на каждом таком митинге, наши ведущие певцы охрипнут задолго до Москвы.

Председатель КазЦИКа Кулумбетов после такого митинга принял группу актеров

театра на станции Мирзоян. Большой, дородный, очень величественный барин лежал на полке своего вагона, а мы столпились у входа в купе. Кулумбетов произнес небольшую приветственную речь, не напрягая голоса, очень спокойно, не торопясь, делая веские паузы между фразами. Это был, пожалуй, последний из могикан. Высокого роста, солидно-толстый, с маленькой черной тахьей на большой, круглой, бритой голове, он был весьма импозантен и представительен. Он позвонил, и немедленно появился слуга с лисой в руках. Кулумбетов взял лису и подозвал к себе Куляш. Лежа на своем ложе, Кулумбетов сказал еще несколько теплых слов и передал лису Куляш. Это был дорогой подарок – большая платиновая лиса необыкновенной красоты. Такой подарок мог сделать только Кулумбетов, ни Ерназаров, ни Умурзаков, ни Казакпаев, ни Шарипов на такой подарок, вероятно, не смогли бы решиться. Но Кулумбетов всё мог. Вся его фактура, весь его облик говорили о том, что он рожден повелевать. Он так и не встал, пожелав нам удачи. Говорил он только на казахском языке.

Мы бодро продолжали свой путь. Митинги следовали один за другим, и после каждого митинга мы получали подарки, в основном продовольственные. Певцам основного состава было запрещено выступать. Только после Ак Булака эпидемия митингов окончилась.

Я с Жубановым ехал в международном вагоне. Кроме нас, в этом вагоне ехали Джамбул с Касымом Тогузаковым, Куляш с Канабеком, Шара с Курманбеком и Тогжанов с Байбусыновым – работником ЦК партии Казахстана, и писатели Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин и Габит Мусрепов. Джамбул никогда не ездил по железной дороге, а тем более в международном вагоне, и Тогузакову пришлось страдать всю дорогу, днем и ночью опекая старика, предупреждая возможные дорожные анекдоты и недоразумения.

На третий день путешествия Байсеитовы и Джандарбековы, собравшись вместе в купе, решили весело провести время. Их подозрительно слишком ве-

селье голоса и песни были слышны на весь вагон. Заглянув по долгу службы к ним в купе, я с ужасом выяснил совершенно аварийную ситуацию: соперница-подружка Шара угощала развеселившуюся Куляш холодным пивом в запотевших бутылках. Беспечно распевающая Куляш держала в руке стакан с холодным пивом и колоратурно хохотала, потеряв контроль над собой. Это означало, что в Москву она приедет совершенно хрипата и не сможет не только петь, но и говорить с усилием будет, шепотом. Дублера у Куляш нет. Всё держится на волоске. Значит, мы торжественно прибудем в Москву, и, по случаю надолго охрипшей Куляш, декада не состоится. Скандал! Грандиозные неприятности! Столько работали! Крики, стоны, слезы, выговоры, позор. Пулей я помчался в купе Тогжанова и Байбусынова. После моей взбудораженной информации оба пастыря-руководителя в прединфарктном состоянии прибежали в купе, где Куляш продолжала беззаботно наслаждаться. Произошел крупный, кардинальный разговор.

С этого момента Куляш не выходила из-под бдительного, строгого контроля. В Москве, почти всю декаду, Жургуев¹ запирает Куляш в её гостиничном номере и ключ держал у себя, не пуская даже Канабека. Перед спектаклем, в соответствующее время, к гостинице подъезжала машина, и Куляш ехала от гостиницы «Москва» до филиала ГАБТа в закрытой машине. После спектакля Куляш так же ехала обратно в гостиницу. Приходил Жургуев и запирает номер. Курманбек, Канабек, Манарбек и другие тоже были в единственном числе, так же как и Ф. Кузьмич (хотя на афише числилось два дирижера: Ф. Кузьмич и А. Жубанов), который один безукоризненно провел всю декаду за дирижерским пультом, но Куляш была на особом счету, как звезда всей делегации. В общем других происшествий за дорогу до Москвы у нас не произошло, если не считать нескольких свадеб в вагоне, где находился женский и мужской хор.

В Москву мы бодро прибыли на Казанский вокзал в семь часов утра. Мы заранее готовились к торжественной и радостной встрече, женщины приоделись, подкрасили губы, подрисовали глаза и брови, мужчины завязали галстуки и побрились, начальники еще раз прорепетировали свои речи. Поезд влетел на перрон и остановился. Весь коллектив высыпал на перрон – и в изумлении замер. Нас никто не встречал. Перрон был абсолютно пустынен и тих. Утреннее солнце ярко и весело освещало только что убранный, чистенький асфальт. И тут наше руководство, после длительной паузы, вспомнило, что встреча назначена на 10 часов утра, а мы приехали в семь. Разобравшись в этом недоразумении, начальник станции отправил весь наш состав обратно, на товарный двор. Паровоз, наконец освободившись от нас, уехал по своим делам. Три часа, еще не приехав в Москву, мы бродили по ларькам на Каланчевской площади в ожидании нашего прибытия в Москву.

К десяти часам мы снова заняли свои места в вагонах, нам дали другой паровоз, и мы торжественно прибыли в Москву. На этот раз на перроне было много доброжелательных, гостеприимных, улыбающихся людей. Встреча получилась очень теплой и шумной, после неизбежного митинга (как болтливо наше время! 12 митингов за дорогу! А сколько речей еще впереди?!) начался разъезд. Тут, конечно, стало выясняться, «кто есть кто». Первые номера поехали в гостиницу «Москва». Вторые номера были направлены в «Гранд отель». Третьи – в «Балчуг». И остальные, скопом, в общежитие. Мне выпала «Москва», но Кузьмичу – «Гранд отель». Понимая свою ответственность за музыкальную часть декады, я не мог оставить Кузьмича одного. Любое недоразумение с Кузьмичом означало срыв декады, заменить его было нечем. Жубанов указывался на афише в качестве дирижера по каким-то другим соображениям, но только не музыкальным. Я пошел к Жургуеву и попросил или перевести меня

¹ Сохранена авторская орфография.

в «Гранд отель», или поместить Кузьмича ко мне в «Москву». У Жургенева были свои строгие понятия о субординации, в результате чего я всю декаду провел в «Гранд отеле», находясь с Кузьмичом в одном номере, вместе.

Казахское искусство, как и вообще казахов, в Москве очень мало знали. Отсутствие элементарной осведомленности было поразительное. Ожидалась некая знойная экзотика вроде половецких плясок из «Князя Игоря». Между тем, если половцы были казахским большим родом кыпчак, как считают многие историки, то в те времена и до сих пор у всех казахских родов народных танцев или придворных танцев вообще не было. Вся экзотика половецких танцев – это пошлая, антиисторическая, антинаучная клюква. Кстати, очень интересно, что А. П. Бородин, сочиняя половецкие пляски, пользовался этнографическими записями мадьярской народной музыки, а в Казахстане её считают сродни казахской. (В народе существует имя собственное – Мадьяр.)

В общем, нам предстояло открыть Америку. И она была открыта с огромным, искренним успехом. Издалека, за тысячи километров, приехали никому не известные, ни на кого не похожие, очень скромные люди и запросто выступают на большой оперной сцене, под симфонический оркестр, поют на своем языке и не сбиваются. Точно выдерживают паузы, правильно вступают, не смотрят испуганно на дирижера, уверенно исполняя свою партию. Их танцы тесно связаны с трудовыми процессами казахского народного быта. Их песни – подлинные народные казахские песни.

Меня донимали вопросами: где певцы получили музыкальное образование? Если актеры так точно поют свои партии, значит, все певцы музыкально грамотны? Отвечать на эти вопросы было трудно. Не отвечать – невозможно. Поэтому приходилось прибегать к спасительным: «в некоторой степени», «в известной мере», «отчасти можно считать, конечно» и так далее. Мы почему-то стеснялись, робели сказать прямо и откровенно: никто у нас нот не знает. Но перед московской аудиторией, требовательной и искушенной публикой, выступают замечательные, талантливые самородки, лучшие представители казахской народной культуры, только начинающей свой профессиональный путь. Они совершили подвиг, создав в кратчайший срок два музыкальных спектакля на высоком профессиональном уровне, только еще начиная свой путь. Каждое точное вступление, каждая выдержанная пауза – это итог огромного труда и большого таланта.

В общем, декада прошла очень организованно и четко. Были, конечно, отдельные небольшие огорчения. На первый спектакль «Кыз-Жибек», которым открывалась декада, пришел А. В. Затаевич. Он было попытался о чем-то говорить с Жургеневым, но в нервной, суетливой, напряженной обстановке начала декады и первого спектакля говорить с Жургеневым было очень трудно, если не невозможно. Крайне расстроенный Александр Викторович, отойдя от Жургенева, остановился в растерянности, не зная, к кому еще можно обратиться. Кругом в сенсационно-праздничной толчее сновали озабоченные люди, и Затаевич одиноко топтался на месте, не зная, что делать. И тут он заметил меня.

Первые спектакли мне пришлось выполнять сугубо организационные функции связиста между Жургеневым в зрительном зале и Шаниным на сцене. Поэтому почти всю декаду я очень редко имел возможность смотреть наши спектакли, курсируя всё время по фойе на сцену и обратно. Должен же был я заниматься какой-то полезной деятельностью на декаде?

Заметив меня, Затаевич, с трудом пробравшись через человеческую толчею, кинулся ко мне, как утопающий к спасательному кругу. На глазах у него выступили слезы. В нескольких торопливых и взволнованно изложенных словах он рассказал о своей обиде и огорчении: ему прислали два билета на первый спектакль декады, но во второй ряд балкона бельэтажа. «Неужели для Затаевича на казахской декаде не нашлось двух мест в партере?!» – драматиче-

ски спрашивал Александр Викторович. Он был наивный человек, этот подвижник. Он не знал, что бывает и хуже. «Сделав доброе дело, поторопись умереть, чтобы не успеть получить благодарность», гласит мудрая китайская пословица. Пришлось мне извиняться за наших администраторов. В итоге моих извинений я предложил А. В. свои два билета в партере, объяснив, что мне всё равно не придется воспользоваться этими билетами ввиду необходимости часто бегать на сцену. С чувством большого облегчения Затаевич взял эти два билета.

На свете есть неоспоримые истины, которые как-то даже неудобно доказывать. Одна из таких истин: на казахской декаде Затаевича должны видеть в партере зрительного зала. Это не только ему необходимо. Еще более необходимо это казахской декаде, если мы хотим уважать себя. Но есть особая категория людей, думающих иначе. У них всё предельно просто и ясно. Разве мы его не уважаем? Эти приезжие, что им не дай – им всё мало, всё они чем-то недовольны и всё еще требуют, требуют, требуют. Вот не то место дали в театре. Надо было, оказывается, дать в первом ряду. Вообще, сколько можно кланяться и благодарить? И до каких пор?

Другие недоразумения были менее драматическими. И. В. Сталин и другие руководители посетили театр на декаде два раза. В первый раз Сталин приехал к середине «Кыз-Жибек», около третьего акта. Во второй раз он приехал к началу спектакля. В этот раз было решено поднести Сталину цветы. Сделать это должна была Куляш во главе всего коллектива. После первого акта Жургенев дает мне задание. Надо передать Шанину (Шанин руководил сценой), чтобы перед началом третьего акта весь коллектив театра во главе с Куляш вышел на сцену на закрытом занавесе, и Куляш, подойдя к первой ложе справа, должна лично вручить Сталину большой букет цветов.

Это задание я выполняю немедленно слово в слово. Обстановка на сцене нервная, дерганная, взвинченная. Все карманы сцены охраняются специально прибывшими товарищами в черных костюмах. Каждый выходящий на сцену чувствует на себе бдительное око товарищей, дежурящих в карманах сцены. Вид у Жумеке заторможенный, композиторские волосы взлохмачены, глаза уставшие, и когда я передаю ему распоряжение Жургенева, он одним ухом слушает меня и тут же командует установкой декораций второго акта, и тут же кто-то надоедливо на что-то ему жалуется. Но Шанин дает мне понять, что всё ему ясно и распоряжение Жургенева будет выполнено. Ладно. Я возвращаюсь и сообщаю Жургеневу, что Шанину всё ясно и понятно.

Перед третьим актом ярко освещается рампа, и из-за закрытого занавеса выходит весь коллектив театра с Куляш, у которой в руках большой, красивый букет цветов. Куляш грациозно идет по авансцене направо, и за ней стает устремляется весь коллектив, растянувшись по сцене. Приблизившись к правой ложе и всматриваясь в сидящих в ней людей, Куляш выясняет, что тут что-то не то. Сталина и его соратников в этой ложе явно нет. Другой бы в этой обстановке дрогнул и запнулся. Но Куляш есть Куляш. Не растерявшись, она сделала полукруглый разворот и пошла столь же грациозно, не торопясь, через всю авансцену (а авансцена в филиале огромная) к противоположной, левой от сцены, ложе. Коллектив, развернувшись, двинулся за ней. Куляш подошла к ложе, Сталин встал и принял у неё букет.

Дело, столь аварийно начавшееся, благодаря самообладанию Куляш благополучно завершилось. Было много шуток и аплодисментов. Но потом, после спектакля, Жургенев страшным голосом распекал Шанина, обвиняя его во всех смертных грехах и угрожая привлечь его к ответственности прямо в ГПУ. Шанин должен был догадаться, как считал Жургенев, что правая ложа из зрительного зала будет от сцены левой. Но в общем благополучный финал смягчил возбуждение наркома.

Были и вовсе смешные накладки. Пожилой актер Садыков играл в «Кыз-Жибек» роль Базарбая. Когда во втором акте Тулеген просил отца разрешить ему

поехать к Кыз-Жибек, Базарбай, ударив о пол своим шестом, кричит: «Айтканым айткан!» Крикнув эти слова, Садыков так сильно стукнул шестом и дернул головой, что борода у него отклеилась и повисла, держась только около ушей. Поддерживать руками бороду было неудобно, оторвать тоже неприлично и так, до своего ухода со сцены, он продержался на сцене с болтающейся бородой. Все были очень расстроены этим инцидентом.

Но на другой день в «Известиях» была напечатана рецензия одного из известных в то время в Москве театральных критиков. В этой рецензии по поводу оборвавшейся бороды он высказывал соображение в том, что нереально висящая борода отражает влияние условного китайского театрального искусства на соседнее казахское. В отклеившейся бороде критик замечал преемственность, творческое освоение казахским театром принципов древнего китайского театра. Но в следующем спектакле «Кыз-Жибек» были приняты меры, чтобы борода Садыкова не следовала путями древнего китайского театра.

«Кыз-Жибек» и «Жалбыр» были восторженно приняты московской общественностью. Отлично прошел заключительный большой театрализованный концерт, в котором мне надолго запомнился Елубай Умурзаков. С длинным и острым копьём он показывал, как дувана поет свою характерную песню – «Нак-нак», конвульсивно дергаясь, заклиная злых духов. Ф. Кузьмич блестяще провел всю декаду, ежедневно становясь за дирижерским пультом филиала Большого театра, без единой ошибки или опасности срыва. А он в это время тяжело переживал свою семейную драму и имел достаточную причину, чтобы крепко напиться.

Нам очень повезло: ни у кого не было дублеров, все были в единственном числе, но ни разу не возникла необходимость в дублере. Коллектив театра работал дружно, спаянно, с полной отдачей всех своих сил. Это было радостное, счастливое крещение казахского музыкального театра.

В заключение декады группа ведущих деятелей казахского искусства и литературы была награждена орденами. Жубанов и я были награждены орденами «Знак Почёта». Кузьмич не оказался в числе награждённых. Ко всем бедам прежним прибавилась ещё и эта обида. Не говоря уже о справедливости, это было просто нелогично.

Другого дирижёра в казахском театре не было и, в силу специфики работы с неграмотными певцами, не могло быть. Кузьмич знал каждого из них и умел с каждым работать. Следовательно, он был ещё надолго необходим театру, и для его будущей работы нужен был стимул. Что было делать?

В ювелирном магазине я купил отличный серебряный портсигар и с помощью гравера написал внутри портсигара: «Дорогому Фёдору Андреевичу Кузьмичу в память декады казахского искусства. V-1936». Отдельно я написал его каллиграфическим почерком «Пригорье». Это было название его родного села в Смоленской области, и он сотни раз, на каждом шагу, писал это слово. Фёдору мой подарок понравился, и жить стало легче.

Заключительный период декады был насыщен яркими и радостными впечатлениями. К группе ведущих деятелей казахского искусства присоединились наши украинские коллеги (их декада прошла перед казахской). Мы вместе ездили в гости на дачу Сталина и вместе получали в Кремле ордена. Память об этом торжественном событии сохранится мной навсегда. Михаил Иванович Калинин вручил мне орден, пожал руку и пожелал дальнейших творческих успехов. Всё это запечатлено на хранящейся у меня фотографии. Кроме Калинина и меня, на фотографии виден Уншлихт, в качестве секретаря ВЦИК.

Потом был банкет в Георгиевском зале. Все приглашенные сидели за столами, по восемь человек за каждым столом. Н. А. Верховский и я оказались вместе за пятым столом, в первой линии, перед длинным перпендикулярно стоящим столом президиума. Кроме нас за столом сидели ещё два казахстанца и четыре

молодых человека, вероятно, близнеца, все в чёрных костюмах, все подстрижены под «бокс», все не пившие, не евшие и ничего не говорившие. Сидели мы через одного: я, близнец, Верховский, близнец и т. д.

Огромный Георгиевский зал был полон, все сидели на своих местах, но не ели и не пили: ждали выхода Сталина и его соратников. Ждали довольно долго. Наконец в дверях показалась невысокая фигура Сталина впереди большой группы сопровождающих его соратников. Все встали и долго аплодировали. Сталин и другие заняли места в президиуме, куда были также приглашены У. Д. Исаев, Т. Жургенев, Куляш, Курманбек и кто-то ещё.

Было провозглашено много соответствующих моменту тостов. Дастархан был отличный. Красивые официанты обносили столы яствами, на столах стояли отличные вина, наши отечественные и заграничные, и многие гости бесславно не выдержали этого коварного испытания, изрядно нахватавшись разных лакомств и обильного зелья, и быстро оказались в аварийном состоянии.

Было предоставлено слово для тоста Жургеневу. Он встал, отошел несколько шагов от своего места и, став за Сталиным, начал свой тост. Грозный, волевой, сверхимперативный Жургенев растворился полностью. Держа в дрожащей руке бокал с вином, стоял совершенно растерявшийся, робкий человек и блеял что-то высокопарно-невразумительное. На него было жалко смотреть. Из бокала, танцевавшего в дрожащей руке Жургенева, одна капля вина выпрыгнула и села на плечо Сталина. Правая бровь его выразительно поднялась.

Тост у нашего шефа явно не получился. Тогда слово для тоста взял У. Д. Исаев. Я впервые слышал его речь и был совершенно поражён. Это был блестящий, природный оратор. Отлично владея русским языком, умело построив свой содержательный тост, Исаев с ярким темпераментом и на высоком патриотическом пафосе поднял свой бокал за братство и дружбу русского и казахского народов. Просто великолепно прозвучала его речь, и лучше его уже никто не говорил.

В это время ко мне незаметно и осторожно подошёл пятый близнец и полупшепотом сообщил, что меня вызывают для участия в концерте. С его помощью мы, через разные залы, ходы и переходы, проникли ко входу в Георгиевский зал, с другой стороны. Отсюда был выход на эстраду, которая находилась сзади столов президиума. Начинался концерт, который мне пришлось сопровождать в качестве аккомпаниатора. В дверях, у входа на эстраду, столпилось несколько близнецов, которые на этот раз вели себя нескромно: всё время, словно нарочно, толкались. Ворочем, вся эта толкотня была сначала. При повторном выходе на эстраду меня уже не беспокоили толчками по карманам и бокам.

На эстраде стоял совершенно новый коричневый рояль. Звук у него был холодный, стеклянный. Все первые выступления я не смотрел в зал, внимательно аккомпанируя выступавшим. Но когда на эстраду вышла Куляш Байсеитова, заключавшая концерт, я решил, что, пока не поздно, следует на память посмотреть на великих людей, сидящих в зале.

Итак, пока Боров (наш худрук и конферансье) объявлял выход Куляш, пока она выходила на эстраду (я весь концерт не покидал эстраду, всё время находясь за роялем), я повернулся и посмотрел в зал. Я увидел много знакомых по портретам в газетах и журналах лиц. Без труда я узнал Бубнова, Ярославского, Кольцова, а за столом президиума похожего на льва Димитрова, обаятельного Орджоникидзе, краснощекоего крепыша Ворошилова и, наконец, Сталина. Тут мое паномирование запнулось. Сталин сидел вполборота к столу и внимательно смотрел в этот момент мне в глаза, одновременно уминая пальцами табак, высыпавшийся из папиросы в трубку. Я сидел тоже вполборота к роялю и тоже посмотрел в глаза Сталину. Этот взгляд ничего хорошего не обещал. Это был давящий, сверлящий взгляд человека злой, жестокой воли. Ничего более колючего и мрачно-властного я не встречал. В это время Боров, уже объявивший выход Куляш, проходя мимо меня, прошипел: «Начинайте».

С трудом оторвавшись от глаз Сталина, я повернулся к роялю и заиграл. По заранее намеченному плану Куляш должна была исполнить две народных песни: «Майру» для начала и «Гак-ку» под конец. Боров, выполняя в этой последовательности намеченную программу, так и объявил: сначала «Майру», а вторым номером «Гак-ку». Однако я, повернувшись к роялю и думая о том, какой тяжелый взгляд у Сталина, бессознательно заиграл наоборот, сначала «Гак-ку». Куляш было приготовилась петь «Майру», но услышав, что я играю вступление к «Гак-ку», волей-неволей должна была срочно перестроиться и пойти за мной. На сцене она никогда не терялась, и на сей раз моя оплошность не застала её врасплох. Зато посмотрев направо, где находился выход на эстраду, я увидел лицо Жургенева. Это было лицо тигра перед атакой. Я думаю, что он по своему обычаю, про себя, угрожал мне ГПУ. Каждого человека, рассердившего Жургенева, ожидало обещание познакомить с ГПУ. Это с его стороны было неосторожно. Тогда я обернулся к Куляш, и она улыбнулась мне.

Вышел Боров на эстраду и объявил, что по недоразумению вместо объявленной песни «Майра» была исполнена «Гак-ку», но теперь будет исполняться песня «Майра». Проходя мимо меня, Боров прошептал: «Женя, только не оборачивайтесь! Внимание!» Но на сей раз всё прошло вполне благополучно.

Прием в Георгиевском зале прошел очень удачно, и у всех участников осталось большое впечатление. После казахского концерта выступали и другие артисты. Мне запомнилось выступление М. П. Максаковой. Она вышла на эстраду в глухом чёрном панбархатном платье, закрытом от шеи до небольшого шлейфа, с поясом из ярко-красного бархата. Выступала она, как обычно, с большим успехом, но когда она повернулась спиной к публике, уходя с эстрады, эффектно сверкнула абсолютно обнажённая почти до копчика спина необычайной белизны и античного благородства. К. Е. Ворошилов крикнул и не мог оторвать глаз от этой спины, пока она не скрылась в проходе.

Торжество продолжалось ещё долго, но мы с Верховским, не дожидаясь конца, отправились домой. Выйдя из дворца, мы были поражены тишиной и чистотой Кремлёвского двора. Проходя по асфальтовой дорожке до Спасской башни, через определённые отрезки пути мы встречали часовых, которые своим присутствием обязывали к приличному поведению на территории двора. Сорить и громко разговаривать не хотелось. Н. А. Верховского это благолепие очень раздражало. В нём крепко сидел свободолюбивый, бунтарский дух комсомольца двадцатых годов. Всячески умиротворяя Николая Александровича, мы в общем прилично дошли до прохода в Спасской башне и вышли на Красную площадь.

Мы долго ещё бродили по Красной площади от Василия Блаженного до Исторического музея и обратно, прожёвывая и переживая итоги декады и впечатляющую встречу в Георгиевском зале, в Кремле. Мы говорили о великой, исторической роли русской национальной литературы и искусства в развитии национальных культур многих народов мира. России предназначена какая-то особая роль в определении политической и социальной судьбы мира. Дряхлеющая Европа, ненавидя и презирая лапотную Россию, вырастила, выкормила на своем молоке, воспитала Россию, чтобы сделать её своей наследницей, чтобы в старости узнать величие новой, преображенной России, идущей впереди просыпающегося и поднимающегося Востока. Конечно, только ночью, только на Красной площади и только после бутылки французского шампанского, дружно выпитого нами в Кремле, мы смогли достичь высот патриотически-глобального масштаба наших теоретических воззрений. Но погуляли мы хорошо.

Ни одного лишнего дня засиживаться в Москве нам не дали, и уже на следующий день основной состав казахской делегации уезжал домой. И снова на каждой узловой станции возникали митинги, наши руководители и ведущие артисты выступали с речами, и снова были поздравления, объятия, поцелуи, бесконечные подарки и фимиами первого успеха.